

Тимофеев Дмитрий Владимирович

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: dmitrim@yandex.ru

ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД И ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.¹

УДК 94(47)''18''

В рамках исследования процесса формирования в России Нового времени элементов публичной сферы губернский город рассматривается как центр системы коммуникативных взаимодействия дворянского собрания и властных структур регионального и общеимперского уровня.

Ключевые слова: публичная сфера, дворянские выборы, история общественного сознания

В Российской империи элементы публичной сферы формировались несколько позднее, чем в странах Западной Европы [4], но уже со второй половины XVIII в. можно констатировать активизацию интереса российских подданных к периодике, различным клубам, салонам и иным собраниям, где помимо развлечения, они могли высказывать мнения о событиях в стране и за рубежом, о политике и экономике, внешнеполитических обстоятельствах и возможности проведения внутренних преобразований. В начале правления Александра I бурное развитие периодической печати существенно расширило каналы публичной коммуникации и сделало возможным авторам и читателям обмениваться мнениями с достаточно широкой аудиторией образованных российских подданных, личное знакомство с которыми было уже необязательным условием для осуществления социальной коммуникации. В данном контексте публичная сфера в России второй половины XVIII — первой половины XIX в. рассматривается как сеть субъектов и информационных каналов, предоставляющих возможность российским подданным высказывать различные аргументы при обсуждении наиболее актуальных социально-политических, экономических и морально-нравственных вопросов.

Центральным элементом в процессе формирования «сетей обмена» информацией в публичном пространстве России Нового времени стал губернский город. Такое положение было обусловлено не только концентрацией управленческих структур и масштабами книготорговой и издательской деятельности, но и практикой регулярного (раз в три года) созыва со всех уездов губернии выборщиков для участия в дворянских губернских собраниях. И хотя формально участники собраний не имели права обсуждать политические вопросы, а собирались исключительно для избрания дворянских предводителей, чиновников администрации и суда, они неизбежно были вовлечены в процесс обсуждения вопросов о соответствии кандидатов на выборные должности установленным требованиям, а следовательно, и о соотношении реального положения дел и норм закона.

Более того, в период подготовки к баллотировке могли происходить непредусмотренные процедурой публичные выступления. Ярким примером такого рода коммуникативного действия является произнесенная 10 января 1810 г. перед участниками дворянского собрания Воронежской губернии речь штабс-капитана Петра Степановича Шеншина. Представленный после прочтения автором губернскому предводителю документ («Голос Шеншина») содержал указания на ряд нарушений при составлении списков для баллотирования на выборные должности: в число выборщиков и кандидатов были включены лица, «не имеющие в уезде недвижимого имения»; «владельцы людей без земли», дворяне, «не записанные в губернские дворянские родословные книги»². Все эти факты, по мнению Шеншина, являлись прямым нарушением положений «Жалованной грамоты дворянству».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия» (рук. Д. В. Тимофеев).

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 4а. Кн. 6. Д. 165. Л. 16.

Аргументируя свою позицию, автор использовал безупречную для того времени систему доказательств. По каждому пункту выявленных нарушений были приведены обширные цитаты из «Жалованной грамоты дворянству», а для усиления эмоциональной напряженности — напоминание собравшимся о данной накануне присяге «...производить сии выборы беспристрастно». Одновременно с этим сомневающимся в необходимости пересмотра уже составленного с нарушениями закона списка Шеншин предложил подойти к столу губернского предводителя дворянства, на котором был расположен портрет Петра Великого, и прочитать предостережение императора: «В сие законы писать, когда их не хранить, или ими играть как в карты, прибирая масть к масти»³. В заключение Шеншин объявил о решении не участвовать в «баллотировке» до тех пор, пока лица, не имевшие права голосовать, не будут удалены из дворянского собрания.

Для понимания значения губернского дворянского собрания для личной и внутригрупповой самоидентификации дворянина важно выявить не только способ аргументации отказа Шеншина от участия в выборах, но и то, на какой результат он рассчитывал. Маловероятным представляется, что он надеялся на исключение из списков указанных им дворян, так как в этом случае выборы просто бы не состоялись в силу недостаточного количества кандидатов. Не мог он ожидать и изменения сроков проведения выборов, так как этот вопрос находился в исключительной компетенции министра внутренних дел и не мог быть решен не только предводителем дворянства, но и губернатором. В этих обстоятельствах для Шеншина важен был не столько практический результат, сколько возможность публичной демонстрации своей личной позиции, пример того, по его мнению, как должен вести себя дворянин, стремившийся исполнить свой гражданский долг.

Наряду с возможностью личного самовыражения, периодически созываемые в губернских городах дворянские собрания способствовали осознанию внутригрупповой солидарности губернского дворянства и формированию представлений о способах отстаивания принимаемых решений. И хотя осознание корпоративной общности имело кратковременный характер, ограниченный периодом подготовки и проведения выборов, совместное пребывание в губернском городе уездных дворян и дворян, проживавших в региональных центрах, оказывало заметное влияние на характер взаимоотношений собрания с губернской администрацией. Особенно отчетливо такого рода тенденция проявлялась в случае отказа губернатора утверждать результаты «баллотировки» на выборные должности. Такого рода конфликты нередко сопровождались составлением жалоб министру внутренних дел или даже императору, что в совокупности с другими обстоятельствами могло стать основанием для проведения расследования или Сенаторской ревизии.

Яркой иллюстрацией осознания возможности оспорить решения губернатора являлись случаи составления коллективных жалоб и петиций. Так, например, участники дворянского собрания Казанской губернии весной 1815 г. направили министру внутренних дел О. П. Козодавлеву жалобу на действия гражданского вице-губернатора Ф. П. Гурьева, который, по их словам, «настоятельно... требовал возобновления выборов, не уважив просьбы дворянства об отсрочке оных до возвращения ополчения», «...промедлил... утверждение чиновников, избранных дворянством» и «несправедливо... неутвердил в должности 24 таких дворян, кои имели полные права на выборы...»⁴ Заявив о своем несогласии с действиями вице-губернатора, дворяне задействовали формально-публичные каналы обратной связи. Министр внутренних дел потребовал от губернских властей незамедлительно представить объяснение по факту неутверждения избранных дворян. В ответном донесении вице-губернатор аргументировал свое решение сведениями о различных нарушениях и «неблаговидных» поступках избранных дворян⁵. После этого дворянское собрание в новом обращении к министру внутренних дел опровергло все обвинения, представив по каждому кандидату подробные объяснения. В результате 5 августа 1815 г.

³ Там же. Л. 160б.

⁴ РГИА. Ф.1284. Оп. 4а. 1814. Кн. 91. Д. 252. Л. 293об–294.

⁵ Там же. Л. 294–295.

вице-губернатору Гурьеву было направлено «строгое замечание за нанесение губернскому предводителю неудовольствия по выборам» [1, с. 55].

Такого рода коммуникации между периодически собиравшимися в губернском городе представителями дворянства и вышестоящими властными институтами неизбежно становились публичными. Это происходило не только в связи с тем, что по мере рассмотрения в МВД, Комитете министров, Сенате или Государственном совете увеличивалось число лиц, знакомых с обстоятельствами дела, но и вследствие издания по результатам разбирательств обязательных к рассылке во все присутственные места указов и высочайше утвержденных постановлений. На протяжении первой трети XIX в. количество таких нормативно-правовых актов стало значительным, что позволяет констатировать одновременное существование нескольких тенденций.

В общем виде сам факт наличия множества указов, изданных в результате жалоб и разбирательств по конкретным случаям, свидетельствует о складывании механизмов точечной корректировки действующего законодательства. Однако при, казалось бы, предельной централизации информационных потоков, сложилось положение, когда содержательно близкие проблемы рассматривались вне взаимосвязи с аналогичными случаями, порождая новые распоряжения, которые могли частично противоречить друг другу или содержать нормы, касавшиеся только определенной территории. Все это уже к 1811 г. привело к изданию именного указа министру внутренних дел О. П. Козодавлеву о составлении нового положения о выборах⁶, которое, впрочем, было разработано значительно позднее и утверждено только 6 декабря 1831 г. [2, с. 233–247; 3, с. 485] Однако, несмотря на противоречивость и медлительность процесса выработки решений, наличие механизмов передачи запросов с мест позволяет утверждать, что в региональных центрах Российской империи постепенно складывалась сеть субъектов и институтов публичной сферы, наличие которой способствовало выработке различных аргументов при обсуждении наиболее актуальных социально-экономических и политических вопросов.

Литература и источники

1. Бикташева А. Н. Губернаторы и дворянство Казанской губернии: уроки конфликтов (первая четверть XIX века) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 55–59.
2. Куприянов А. И. Выборы в русской провинции (1775–1861). М., 2017.
3. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. СПб., 1906.
4. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества. М., 2017.

Dmitry V. Timofeev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: dmitrim@yandex.ru

THE PROVINCIAL CITY AND THE FORMATION OF PUBLIC INSTITUTIONS IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY

As part of a study of the process of formation of elements of the public sphere in modern Russia, the provincial town is seen as the center of the system of communication between the noble assembly and the power structures of the regional and imperial level.

Keywords: public sphere, noble elections, history of public thought

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-1). Т. 31. № 24546. С. 568.